

На самом деле нет ни детских, ни взрослых книг. Просто всегда находится кто-то, кому не лень рассказать ещё одну историю.

НЕДОБРЫЙ

Нас пугает неожиданное.

Нас пугает темнота. Ведь в ней может прятаться неожиданное.

Нас не пугает только то, о чём мы не имеем ни малейшего представления. Даже если оно и страшное с виду.

Солнце спряталось за песчаные холмы. Быстро темнело. И холодало.

Оглядевшись по сторонам, мы увидели, как в исчезающем свете уставшего солнца из-за холмов недобро поблёскивали глаза Воинов Клыка. Нас окружали.

— Это не к добру, — тихо прошипел Буржуй, и шерсть на нём поднялась торчком.

— Чего им от нас надо?! Чего они злые такие?! — Шиш подскочил к Буржую и на всякий случай прижался к нему.

Пугало не то, что недобрых Воинов Клыка было много. Так много, что мы не видели им ни конца ни края. А то, что они приближались к нам, не издавая ни единого звука. Ни криков, ни рычания, ни даже шороха не было слышно среди этих негостеприимных песков. Казалось, сама недоброта, как дурно пахнущий воздух, не давала спокойно дышать.

— Что вам надо?! — не выдержав, прокричал Шиш. — Не нужен нам ваш сушёный песок! Вот, забирайте его себе! — Он быстро замолотил лапками, но только поднял облако пыли и расчихался.

— Ну всё! — прорычал Фокси и сделал шаг навстречу приближающейся опасности.

А я вдруг представил: где-то там, глубоко под землёй, среди тёмных тоннелей, наполненных безразличной древней водой, плывёт Тот Кто Никогда Не Видел Неба. И он не просто никогда не видел его. Он даже не знал, что оно есть! Да, он так и не увидел и не увидит небо. Но теперь он знал его... Миша, вернувшись домой с работы, протягивает Маше красивые цветы, она улыбается... Сторожевой пёс Тучка-Шарик укладывается спать в своём маленьком домике... Гусь-Мистер спасает маленького котёнка из пруда... В холодном, скованном льдами Доме рождается на свет Северный Ветер... Тот Кто в Темноте слушает, как поют, но сам не способен сочинить ни одной песни... Так я думал. Ну, или что-то похожее на это.

Неважно, что ты думаешь в такой момент. Важнее, что чувствуешь. Поэтому, может, я вовсе ни о чём и не думал. Я чувствовал. Чувствовал, что всё происходит прямо сейчас, со всеми, всегда. Разное, но одно. Всё связано. У каждого по отдельности что-то может меняться. Но всё вместе — жизнь — остаётся неизменным!

— Стой! — окликнул я своего бесстрашного друга. — Подожди. — И, выйдя вперёд, обратился

к Воинам Клыка: — Вы ничего не можете нам сделать. У вас есть только ваша недоброта и сушённый песок. А мы — друзья! И у каждого из нас есть ещё друзья. А у них — ещё друзья. И все мы охраняем друг друга. Так что уходите и живите сами по себе, раз вам так больше нравится! И мы уйдём. Но не потому, что боимся вас, а потому, что не хотим оставаться с теми, для кого песок важнее закона гостеприимства и кто готов напасть, не раздумывая, враг перед ним или друг. А ведь мы так много интересного могли бы рассказать друг другу...

Воины Клыка остановились.

Я был так удивлён действием своих слов, что не сразу обратил внимание на то, как огромная тень, заслонив свет звёзд и Луны на небе, легла на пески позади нас. И только почувствовав что-то и обернувшись, понял, что не я заставил Воинов Клыка дрожать. Обернулись и мои друзья. И в тот же миг страх, который, как мне казалось, только что рассеялся, вновь заставил мои уши прижаться, а шерсть на холке встать дыбом.

Огромный остромордый пёс с торчащими вверх ушами и в красивом ошейнике, загородив половину неба, глядел прямо на меня. И поверьте, половина неба в таком случае ничем не отличается от целого неба.

Но как следует испугаться я не успел, потому что мне стало любопытно: если у такого огромного пса есть ошейник, то должен быть и поводок? А значит,

кто-то выгуливает его здесь, посреди недружелюбных песков? И этот кто-то уж точно должен быть во всё небо! Тогда почему же его не видно? Вот о чём я подумал в первый миг. Ничего не поделаешь, видимо, такой уж у меня характер. Так что я решил подойти поближе. Странно, да? Любой же знает: подойти поближе к чему-то размером в половину неба — это всё равно что подойти поближе к самому небу!

— Ты куда? — тихо прошипел мне вслед Буржуй.

В полной тишине было слышно, как песчинки перекатываются у меня под лапами, и я шёл и шёл, зачарованный этим звуком, не обращая больше ни на что внимания.

— Пальма, подожди, я с тобой! — тихо воскликнул Фокси.

— Даже не думай! — остановил его Буржуй. — Когда вообще непонятно, что происходит, лучше ничего не делать. Особенно если уже есть кто-то, кто что-то делает!

Замерев, они молча провожали меня взглядом, пока я не исчез в тумане.

— Кто это такой огромный? — немного погодя спросил Фокси.

— Может, бог? — неуверенно произнёс Буржуй.

— А это ещё кто?

— Точно не знаю. Но когда люди чего-то не понимают, боятся и не могут объяснить...

— А ты можешь объяснить? — перебил Фокси.

— Я и объясняю! — фыркнул Буржуй. — Когда человеки не могут чего-нибудь объяснить, они всегда заводят разговор о боге. Мол, это всё его дела, он творит чего хочет — и больше объяснять тут нечего.

— То есть твоё объяснение — это то, что объяснять тут нечего?

— Это не я говорю, что объяснять тут нечего! — вскипел Буржуй. — Это человеки так думают.

— А ты что думаешь?

— А я думаю: раз ты такой умный, вот сам и объясняй! — Буржуй замолчал и надулся. Замолчал и Фокси. Но туман, окутавший всё вокруг, казалось, мешал даже думать. Оставалось только ждать.

Тем временем с каждым моим шагом навстречу этому невероятно огромному псу он становился всё меньше и меньше. И я, едва только взобравшись на ближайший холм, остановился. Нет, конечно, в сравнении со мной пёс всё ещё оставался большим, даже очень. Но он уже не был таким невероятным, как раньше, — в половину неба.

— Я — Пальма! — представился я. — А как это вы можете быть в полнеба и в то же время вполне обыкновенным?

— Среди этих песков у страха глаза велики, — ответил странный пёс.

Я оглянулся. Может, для того, чтобы поглядеть, какие у страха глаза, а может, затем, чтобы увидеть своих друзей, но не увидел ничего, кроме тумана, которым заволокло всё вокруг.

Не понимая, что происходит, я для уверенности решил говорить о вещах правильных и хорошо мне известных:

— А как вас зовут?

— Меня действительно зовут. — Странный пёс улёгся передо мной, вытянув вперёд лапы, и добавил: — Даже чаще, чем хотелось бы. Но я прихожу не тогда, когда меня зовут. Я прихожу, когда должен.

— Значит, у вас такая работа? — спросил я, вспомнив, как дома Миша часто говорил Маше: «Я должен идти на работу» — и уходил. А когда возвращался, всегда приносил что-нибудь вкусненькое и мне, и Буржую, и Маше. А Маше иногда ещё и красивые цветы, от которых Буржуй чихал и ворчал, что всё это глупости и ничего красивее сметаны на свете нет.

— У каждого, кто приходит в этот мир, есть своё дело. Я слежу за тем, чтобы это дело было выполнено. Ни раньше и ни позже, чем было определено.

— Кем определено?

— А кем определено, что тебя зовут Пальма?

— Никем. Я сразу это знал!

— Вот так и все — сразу знают, что определено.

— Даже Буржуй? — удивился я. Но тут же понял, что это был глупый вопрос. Если задуматься так крепко, что голова вот-вот треснет, то можно почувствовать, как ты знаешь всё про всех. И про Буржуя. И про Фокси. Даже про странных и с виду недобрых Воинов Клыка. Про всех-всех-всех!

— Вот видишь, — как будто подслушав мои мысли, одобрительно кивнул странный пёс.

— Значит, правда все знают?

— Все, — подтвердил пёс. — Но они так редко вспоминают об этом, что забывают знать.

— Как же можно забыть знать то, что уже знаешь? — удивился я.

— Это уже знание про знание. О нём вообще мало кто помнит.

В этот миг мне показалось, что в моей голове за клубился тот же туман, что окружал холм, на котором мы разговаривали. Я встряхнул головой, чихнул и вдруг ясно вспомнил, что меня действительно беспокоило:

— Тут эти Воины Сушёного Песка... То есть я хотел сказать, Воины Клыка, которые охраняют сушёный песок...

— Священный песок, — поправил меня пёс.

— Священный? Да, точно. Если бы ещё кто-нибудь объяснил, что это значит...

— Это когда что-то или кто-то очень дороги тебе. Настолько, что ничто, кроме этого, не имеет значения.

— Как-то это глупо! — немного поразмыслив, ответил я. — Разве может быть какой-то песок важнее, чем, например, родная семья или друзья? Или солнце — наш папа?! Ой! — вдруг осёкся я. — Конечно может, раз вы говорите, что так и есть.

— Всё так и есть, — вздохнул пёс.

— Из-за этого сушёного... простите, священного песка они не знают закон гостеприимства! Мне кажется,

вы добрый, хоть и непонятный. Может, вас они послушают?

— Я добрый? — удивился пёс и поднялся на лапы. И мне на миг показалось, что он снова загородил собой половину неба. — Не думаю. Я не злой. Но этого недостаточно, чтобы быть добрым. — Он вздохнул. — Впрочем, Пальма, в одном ты прав: они послушают меня.

— Это хорошо! — обрадовался я. — Но мне кажется, что вас это не радует.

— Да, не радует. Нет радости в том, что причиной их послушания будет только страх.

— Они боятся вас?

— В какой-то мере — да. Но много больше их пугает то, что я олицетворяю.

— Лице... что вы вытворяете?

— То, что они представляют обо мне, пугает их больше, чем я сам.

— Зачем же тогда они всё так представляют? Какая в этом логика?

— Если бы во всём была логика, одного закона гостеприимства было бы достаточно, чтобы все и всегда были счастливы.

— Конечно! — с готовностью воскликнул я. — Ведь так оно и есть!

— Разве? — прищурился пёс.

Я задумался.

— Точно могу сказать, что я не несчастлив. А счастлив я буду, как только мы с друзьями вернёмся

домой! — и, ещё немного подумав, добавил: — Но сейчас мне не дают этого сделать Воины Клыка, не знающие закона гостеприимства.

— Закон они знают, — нахмурился пёс. — Только они придумали себе другой. И забыли о главном, без чего ни одно дело не может быть закончено как должно.

— Но ведь закон гостеприимства — это и есть главный закон! Со стародавних времён!

— Ты знаешь о стародавних временах?

— Конечно! — воскликнул я. — Мне Тот Кто в Темноте рассказывал.

Пёс посмотрел на меня и ничего не ответил. Как будто это было неважно. Или наоборот — так важно, что и говорить об этом нечего. Я уже давно подметил, так всегда с действительно важными вещами: их знаешь, но говорить о них кажется лишним. Даже как-то неловко о них говорить.

— Хорошо, — неожиданно заговорил пёс, — пусть отныне имя твоё будет Пальма — Тот Кто Лаает Не Просто Так.

— Спасибо, — вдруг ни с того ни с сего ответил я. И даже поджал хвост. От неловкости, а вовсе не от страха.

— Возьми, — пёс снял свой красивый ошейник и набросил его мне на шею. Я вздрогнул от неожиданности и чуть сразу же не скинул его. — Нет, оставь. Когда-нибудь ты вернёшь мне эту вещь. А пока она послужит тебе.

— Не люблю я ошейники! Кто-нибудь возьмёт да и привяжет!

— Это не ошейник, — успокоил меня пёс. — Это знак для всякого, кто увидит его на тебе. Это поможет тебе найти путь.

— Путь домой?! — обрадовался я.

— Путь туда, где ты должен быть, — снова загадкой ответил мой новый странный друг, который так и не назвал мне своего имени. И тут же стал отдаляться, закрывая собой небо и сливаясь с бескрайними тёмными песками.

Туман рассеялся.

СОДЕРЖАНИЕ

Недобрый	5
Молодые генералы	16
Странности	22
От странного к простому	25
Этот странный запах доброты	29
Лязг железа	36
Печаль	39
Ярость жизни	44
Братство	52
Плыть или не плыть? Вот в чём вопрос	60
А в это время в Другой Стране	68
Капитан	73
В трюме корабля	80
Враг	87
Хороший, плохой, злой	96
Нечего рассказывать	104
О том, как один дурень других дурней дурачил	108
Охота	114
Пока, пока!	122
Вместо эпилога. Только для взрослых	126